

Павлова М.В.

**К.К. ПАВЛОВА – ПЕРЕВОДЧИЦА БАЛЛАД
В. СКОТТА «РОЗАБЕЛЛА» И «ВОЕННАЯ ПЕСНЯ
КЛАНА МАКГРЕГОР»**

Переводное творчество К.К. Павловой занимает одно из центральных мест в истории рецепции поэтического творчества В. Скотта в России. К.К. Павлова выполняет 7 стихотворных переводов из В. Скотта, 3 из которых представляют собой вставные элементы поэм: «Песнь» («О дева! Жребий твой жесток!»), «Песня» («Красив Бригнала брег крутой» / «Розабелла»), – остальные 4 являются самостоятельными произведениями («Клятва Мойны», «Военная песнь клана Макгрегор», «Яша», «Предел родной»).

Прежде всего, К.К. Павлову интересует лирический потенциал поэтического творчества В. Скотта. Большая часть переведенных ею произведений – это песни на любовную тематику. В центре повествования – герой (как правило, женщина) и его внутреннее состояние, сюжет отходит на задний план.

Переводы К.К. Павловой из В. Скотта традиционно печатаются совместно с оригинальными стихотворениями поэтессы. Однако, в отличие от В.А. Жуковского, который включает переводы из В. Скотта в раздел «Баллад и повестей» (большая часть из которых – переводные), К.К. Павлова отводит им место в своей авторской лирике, что заставляет воспринимать переведенные ею тексты в едином лирическом ключе. Из этого контекста поэтических переводов К.К. Павловой из В. Скотта по тематике заметно выделяются баллады «Розабелла» и «Военная песнь клана Макгрегор».

«Розабелла» (1839) представляет собой перевод вставной песни поэмы «Песнь последнего менестреля», которая нередко упоминается в печати под заголовком «Harold».

Баллада «Гарольд» достаточно сюжетна и органично введена В. Скоттом в текст поэмы: согласно древнему преданию, о котором повествуется в балладе, замок Росслин и его окрестности озаряются огненным свечением, если кому-нибудь из семейства Сэнт Клэр грозит смертельная опасность. За балладой в тексте поэмы следует сцена исчезновения карлика-оборотня, также сопровождаемая таинственным огненным сиянием:

В. Скотт	подстрочник
Then sudden, through the darken'd air,	И вдруг, в темном небе
A flash of lightning came;	Вспышка молнии появилась;
So broad, so bright, so red the glare,	Таким широким, таким ярким,
The castle seem'd on flame.	таким красным было свечение, Замок казался в огне.

Вне контекста поэмы баллада «Розабелла» теряет большую часть своих качеств и это никак не компенсируется в переводе Павловой, так как переводчица ориентируется на достаточно близкий к подлиннику перевод, несмотря на вольную форму изложения: так, переводчица сохраняет все 13 строф баллады, а также ритмическую структуру подлинника (четырёх-стопный ямб).

В качестве отклонений от оригинала следует указать на характерную тенденцию отказа от «избыточных» образов, которая прослеживается и в других переводах К.К. Павловой из В. Скотта. Так, XI строфа подлинника, в которой В. Скотт продолжает разворачивание архитектурного образа церкви, введенного еще в IX строфе, подвергается полному видоизменению в павловском переводе.

Ср.:

В. Скотт	подстрочник	К. К. Павлова
Blazed battlement and pinnet high,	Сияли зубцы стен и пинеты высокие,	Пылали роковым огнем
Blazed every rose-carved buttress fair	Сиял каждый с резными розами контрфорс	Утес, и замок, и долина, –
So still they blaze when fate is nigh	красивый И они сияют, когда	Так пламенеет все кругом,
The lordly line of high St. Clair.	гибель близка Благородной линии [рода] великого Св. Клэра.	Как быть беде в стенах Рослина.

Несмотря на то, что К.К. Павлова отказывается от некоторых специфически английских наименований, незнакомых для русского читателя, заметно более бережное, по сравнению с предыдущими переводчиками, обращение с именами собственными. К.К. Павлова сохраняет имена героев (Розабелла, Линдсей), а также большую часть названий географических и исторических реалий (замок Рослин, гаторнденские скалы, дрейденская дубрава).

Достаточно внимательно К.К. Павлова относится и к оригинальной вальтер-скоттовской образности, сохраняя порой не совсем привычные для русского читателя сочетания. Так, например, образ красной полоски лунного луча («redder than the bright moonbeam») не совсем обычен для русской культуры, что доказывает факт отказа от этого образа в современном переводе Т.Г. Гнедич («Зарделся Рослин, как маяк, // Недоброй освещен луною») [3, т. 19, 473]. В переводе К.К. Павловой имеем – «Сиянья лунного красней», что очень точно передает смысл оригинального стиха, однако может вызывать недоумение, так как красный цвет не имеет прямой связи с образом луны в русской литературной традиции.

Сохраняя характерные шотландские реалии и имена собственные, переводчица, однако, вводит и оригинальные образы, нетипичные для западной культуры. Например, при описании пылающего храма, К.К. Павлова использует образ «иконы» («Где улеглися под иконы, // Все в латах кованых своих, // Рослина храбрые бароны»; «Иконы рдели на стене»). Эмоционально очень сильный, образ висящих на стенах икон, введенный К.К. Павловой в переводе, напоминает читателю о православной традиции, что не вполне органично в контексте средневековой шотландской легенды.

На стилистическом уровне проявляется также и русификация текста за счет использования переводчицей архаичной лексики и диалектизмов: «Не расскажу вам, *красотам* // О *богатырском бранном* деле», «в *латах* кованых», «стращал недавно *рыбарей*». Такой прием применялся также и предшественниками К.К. Павловой с целью стилизовать переводные тексты из В. Скотта под средневековую балладу.

Интересно, что некоторые критики не оценили попыток Павловой познакомить русского читателя с народной английской балладой. Так, В.Г. Белинский писал: «Г-жа Павлова (урожденная Яниш) обладает необыкновенным даром переводить стихами с одного языка на другой <...> Жаль только, что этому превосходному таланту г-жи Павловой переводить не соответствует ее талант выбирать пьесы для перевода. Так, например, с английского она перевела на русский несколько шотландских и английских народных баллад, которые, несмотря на превосходный перевод, не могут иметь на русском никакого значения именно потому, что они народные» [1, т.5, 250].

Баллада «**Военная песнь клана Макгрегор**» (1839) («**MacGregor's Gathering**») – заметно отличается по тематике и настроению от любовных песен, обративших на себя внимание К.К. Павловой. Баллада представляет собой традиционную военную песню, которая исполнялась членами клана для поднятия боевого духа. В. Скотт называл этот тип пограничных песен самым грубым и диким («the most uncouth and savage»), что вполне характеризует

поэтессе, выбравшую данное произведение для перевода (современники не раз отмечали смелость и боевой нрав К.К. Павловой).

Несмотря на заметные отклонения от подлинника, вольный перевод К.К. Павловой этого произведения включен в двадцатитомное собрание сочинений В. Скотта, причем именно в качестве перевода, а не вольного переложения, что свидетельствует об особом месте данного перевода в истории рецепции поэзии В. Скотта в России, а также о его репрезентативном характере. К.К. Павлова – первая русская переводчица, обратившая свое внимание на жанр военной песни в творчестве В. Скотта, и единственная, кто перевел данную песню на русский язык.

В своем переводе данной песни К.К. Павлова традиционно сохраняет количество стихов и характерную ритмическую структуру оригинала (небольшие куплеты завершаются призывным кличем, обращенным к членам клана).

Сохраняя большую часть вальтер-скоттовских образов, К.К. Павлова осуществляет многочисленные переводческие замены и редукции: исчезают оригинальные и добавляются новые характеристики клана («изгнанники все мы» вместо «landless» – «безземельны»; «Нет крова, нет пищи, нет имени нам...» вместо «If they rob us of name, and pursue us with beagles» – «Если они украли наше имя, и травят нас ищейками»), в переводе также снимается противопоставление опального клана Макгрегор всему остальному обществу («But doom'd and devoted by vassal and lord» – «Но обреченные и оставленные вассалом, и лордом»).

Удачной переводческой заменой можно считать отказ от специфического именованья мужской части клана Макгрегор – Григалах. К.К. Павлова справедливо заменяет его на, обобщенное и вынесенное в заглавие, Макгрегор.

В отличие от традиционных и вполне оправданных опущений незнакомых географических названий, вышеназванные переводческие модификации с трудом поддаются объяснению из-за отсутствия каких-либо комментариев переводчика. Они могли быть сделаны либо из-за невозможности подобрать адекватный вариант на русском языке, который вписывался бы в выбранный ритмический рисунок, либо, в случае отказа от второстепенных образов (monarchs, vassals, lords), из-за желания переводчика сосредоточиться на центральном образе клана.

Несмотря на то, что К.К. Павлова переводит только одну балладу В. Скотта, обладающую заметным эпическим потенциалом, поэтесса все же попадает под влияние эпической подосновы вальтер-скоттовской поэзии, что находит отражение в ее оригинальном творчестве. Не случайно исследовате-

ли поэзии Павловой указывают на «резкую фабулизацию ее лирических стихотворений, открывших жанр “рассказа в стихах”» [5, 107].

Хотя поэзия К.К. Павловой, как и ее переводы, признавались явлением устаревшим («гиль архиваная», как охарактеризовал ее творчество М.Е. Салтыков-Щедрин) [6, т. 5, 312], именно благодаря этой «несовременности» русская литература обрела новые поэтические переводы из В. Скотта, некоторые из которых впоследствии были приравнены к классическим.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Москва, 1955.
2. *Громов П.П.* Каролина Павлова // Павлова К. К. Полное собрание стихотворений. Москва, Ленинград, 1964.
3. *Скотт В.* Песнь последнего менестреля // Полн. собр. соч. Москва, Ленинград, 1965.
4. *Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры. Ленинград, 1989.
5. *Шатин Ю.В.* Две Италии Каролины Павловой // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. Томск, 2009.
6. *Щедрин Н.* (М. Е. Салтыков) Полное собрание сочинение. Москва, 1937.